

И. Е. Суриков

СУДЬБА ОППОЗИЦИОННОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА: АФИНИЯНИН АНТИФОНТ – ОРАТОР, СОФИСТ, ПРАВОВЕД, ПОЛИТИК*

В статье рассматривается ряд проблем, связанных с личностью и деятельностью Антифонта, находящегося в незаслуженном забвении крупного представителя афинской культурной и политической жизни второй половины V в. до н.э. Какова была его роль в развитии древнегреческой философии, риторики, юриспруденции? Существовал ли один Антифонт или два («Антифонт-оратор» и «Антифонт-софист»)? Какова была политическая позиция Антифонта (напомним, одного из организаторов антидемократического переворота 411 г. до н.э.) и как она эволюционировала? Посильные ответы на поставленные вопросы даются в этой статье.

Ключевые слова: классические Афины, Антифонт, софистическое движение, риторика, правовая наука, политическая борьба, демократия, олигархическая оппозиция.

Данная статья призвана подвести определенные итоги осуществлявшемуся нами на протяжении ряда лет изучению различных аспектов проблематики, связанной с личностью, деятельностью, творчеством Антифонта¹. И чем больше мы им занимались, тем более рельефно вырисовывались перед нами два обстоятельства: насколько все-таки это была крупная, примечательная фигура в афинской общественной жизни и общественной мысли V в. до н.э. (сопоставимая по масштабу, скажем, с Сократом) и насколько она незаслуженно недооценена (можно сказать, находится в пренебрежении).

Для обоснования сказанного приведем хотя бы несколько характерных фактов. Антифонт – первый, самый ранний по времени представитель плеяды десяти великих аттических ораторов (единственный из них, чья жизнь целиком пришлась на V век до н.э.). Уже этого, полагаем, немало – без сомнения, перед нами один из крупнейших мастеров древнегреческого красноречия². Но сказанным отнюдь не исчерпывается уникальность Антифонта.

Он являлся не только практиком, но и теоретиком риторики – одним из первых на древнегреческой почве и, безусловно, первым на афинской. Таким образом,

Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, главный научный сотрудник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта 12-01-00005а «Научный комментированный перевод корпуса речей оратора Антифонта».

¹ См. Суриков 2006а; 2007а; 2008а; 2009; 2010; 2011а; 2012; 2013а; 2013б.

² Как выразился один современный критик, «Антифон, – естественно, не Демосфен, но то, что он создал, заслуживает всяческого внимания» (Scheidweiler 1966, 338).

интересующий нас автор оказывается важнейшим (наряду с Горгием) представителем начального этапа в становлении античного ораторского искусства³. Его перу принадлежал трактат «Риторическое искусство» в трех книгах (к сожалению, сохранились лишь фрагменты⁴). Отметим еще, что Антифонт первым в Афинах открыл постоянно действующую риторическую школу. Достоин упоминания и то, что одним из его учеников был великий Фукидид, впоследствии в «Истории» давший наставнику восторженную оценку (Thuc. VIII. 68. 1–2). В литературе отмечалось⁵, что влияние ранних произведений Антифонта («Об истине», «Тетралогии») на стиль Фукидида совершенно несомненно (это было подмечено уже в античности). Кроме того, Антифонт изобрел ремесло логографа (сочинителя судебных речей по заказу, обычно за плату⁶) и первым в Афинах подвизался на этом поприще.

Читатель, возможно, уже заметил, насколько часто нам приходится прибегать к обороту «сделал то-то или то-то *первым*». Антифонт был воистину первопроходцем в достаточно многих отношениях. Помимо прочего, он, похоже, первым начал писать прозу на аттическом диалекте. Строго говоря, назвать его первым афинским прозаиком нельзя; в качестве такового на пару десятилетий раньше выступил Ферекид, генеалог и историк. Но последний использовал еще ионийский диалект, следуя принятой в то время традиции⁷. Антифонт и тут тоже стал новатором!

Кроме того, от Ферекида дошли лишь незначительные, разрозненные фрагменты, а от Антифонта в нашем распоряжении находятся полностью сохранившиеся сочинения: три судебных речи, составленных им в качестве логографа («Против мачехи», «Об убийстве Герода», «О хореуте»), а также три так называемые «Тетралогии» – это литературные памятники совершенно особого рода, и на них нам на протяжении статьи неоднократно придется останавливаться.

Именно «Тетралогии», датируемые 440-ми годами до н.э.⁸, являются самым ранним (по крайней мере, из числа целиком дошедших) памятником аттической прозы. По сути дела, это единственное древнегреческое прозаическое произведение⁹,

³ Роль Горгия в становлении древнегреческой риторики постоянно подчеркивается (например: Romilly 1975, 1–22; Wardy 2000), в то время как значение Антифонта фактически оставляется в тени.

⁴ Их русский перевод см. Суриков 2009, 21–22.

⁵ Gagarin 2002, 88 ff.

⁶ О логографах см. Lavency 2007.

⁷ Jacoby 1956, 116 ff.; Ruschenbusch 2000.

⁸ Zuntz 1949, 103; Avery 1982, 157; Gagarin 2002, 179. Cp. Dover 1950, 59 (с некоторыми колебаниями). Существует, правда, и скептическая точка зрения, согласно которой «Тетралогии» попали в корпус Антифонта по ошибке, а на деле принадлежат перу какого-то другого, не известного нам писателя, причем даже не афинского (Mühlh 1948; Sarawan 1993, 266–267; 1998, 171 ff.). В таком случае их обычно относят к гораздо более позднему времени – к первой половине IV в. до н.э. Однако данное воззрение на сегодняшний день является скорее маргинальным. Ряд исследователей высказали весьма убедительные, практически неопровержимые доводы в пользу антифонтовского авторства (Gagarin 1978, 2002, 52 ff., 103 ff.; Zinsmaier 1998). Особенно важны наблюдения М. Гагарина о корреляции в идеях между «Тетралогиями» и философским трактатом «Об истине» (из него в нашем распоряжении имеются довольно пространственные и репрезентативные фрагменты; см. о них с русским переводом: Суриков 2010), в принадлежности которого Антифону сомневаться нет никаких оснований.

⁹ «Тетралогии» следует рассматривать именно как единое, целостное произведение, части которого органично связаны между собой. Эта оговорка, полагаем, не покажется излишней. В Corpus Antiphonticum «Тетралогии» присутствуют как три отдельные «речи»

которое у нас имеется от периода Пентеконтаэтии¹⁰, да и самое древнее *вообще!* От всей предшествующей прозы эллинов у нас имеются лишь фрагменты.

Впрочем, уникальность «Тетралогий» – отнюдь не только в столь раннем сроке их создания. Этот труд стоит совершенно особняком, не имеет сколько-нибудь близких параллелей во всей античной греческой литературе. Перед нами три цикла речей (в каждом две обвинительные и две защитительные, итого четыре, отсюда и название «Тетралогии» – как бы «Четырехречия»), написанных для *вымышленных*, никогда реально не проходивших судебных процессов. Иными словами, в них действуют фиктивные действующие лица и разворачивается придуманная фабула. Данная особенность сама по себе беспрецедентна для 40-х годов V в. до н.э. Ничего подобного до Антифонта не создавалось – и уж, во всяком случае, в прозе-то точно¹¹.

Дискуссионным является вопрос о цели написания «Тетралогий». Обычно считается, что они были составлены Антифонтом как риторические упражнения для нужд преподавания в основанной им школе ораторского искусства¹². Однако относительно недавно Майкл Гагарин в книге, которая на сегодняшний день является, безусловно, лучшим исследованием об Антифонтe¹³, выдвинул и убедительно обосновал иную идею¹⁴: в действительности «Тетралогии», несмотря на внешнюю риторическую форму, – по сути своей философское произведение в духе софистов.

Известно, что величайший представитель софистического движения, Протагор, писал (к сожалению, не сохранившиеся) «антилогии» – речи, направленные друг против друга, с аргументацией в пользу полярно противоположных точек зрения. Это вообще считалось «высшим шиком» для софистов – в ходе одного «сеанса» максимально убедительно доказать и максимально убедительно опровергнуть какой-либо тезис. В той же – типично софистической – манере созданы и «Тетралогии» Антифонта. В данном плане они стоят в одном ряду еще и с трактатом «Двоякие речи» (Δισσοὶ λόγοι), созданным ближе к концу V в. до н.э. каким-то анонимным софистом, а также отчасти, возможно, с сочинением Продика «Геракл на распутье» (Хен. Мем. II. 1. 21 sqq.)¹⁵. Более того, к той же традиции относится, по большому счету, даже и «Афинская полития» Псевдо-Ксенофонта¹⁶. В какой-то степени Антифонт даже развил, усовершенствовал данный жанр: в «Тетралогиях»

(II, III, IV), по какой-то случайности «спрятавшиеся» между речами (I, V, VI), которые Антифонт написал в качестве логографа для реально проходивших судебных процессов. Отсюда, полагаем, и некая абберрация, подчас препятствующая специалистам увидеть в «Тетралогиях» единый текст совершенно иного характера.

¹⁰ Геродот начал писать свою «Историю» в период Пентеконтаэтии, но продолжал работу и в начале Пелопоннесской войны, и уж, во всяком случае, опубликован труд (в неоконченном виде) был не ранее 420-х годов до н.э. См. к проблеме: Суриков 2011б, 271 слл.

¹¹ Если и создавалось кем-то из софистов (например Протагором), мы об этом ровно ничего не можем ответственно сказать, а гадать бессмысленно.

¹² Carawan 1998, 171 ff.; Barta 2011, 139 ff.

¹³ Характеристику этой работы см. Суриков 2011а.

¹⁴ Gagarin 2002, 103 ff. Ср. схожие аргументы, но не столь тщательно разработанные, в несколько более ранней работе: Eucken 1996.

¹⁵ На последнюю параллель наше внимание обратил Н.П. Гринцер, за что мы ему глубоко благодарны.

¹⁶ На «диалогичный» характер этого последнего сочинения редко обращают внимание, считая обычно его направленность чисто олигархической. На самом деле ситуация сложнее, на что справедливо указано, например, в работе: Туманс 2004.

не по две речи, как в обычных «антилогиях», а по четыре. Это обстоятельство, однако, не кажется столь уж принципиальным: все равно в каждой из «Тетралогий» автор предоставляет слово двум (а не четырем) сторонам, носителям двух точек зрения.

Впрочем, как нам представляется, по-своему правы обе стороны – и Гагарин, и представители традиционной точки зрения. Считать «Тетралогии» Антифонта памятником философской мысли кажется вполне правомерным (кстати, опять же получается, что они представляют собой самый ранний полностью сохранившийся античный философский трактат, пусть даже и «замаскированный» под что-то иное). Тем не менее перед нами также и риторически отточенный текст, а кроме того, несомненно, немаловажный памятник юридической мысли¹⁷. Кстати, Х. Барта называет Антифонта «первым европейским правоведом»¹⁸, но вот это, пожалуй, уже преувеличение. Таковым все-таки был скорее Протагор, хотя и вклад Антифонта в развитие правовой теории у греков тоже невозможно отрицать. Для нас он очевиднее, поскольку от Протагора мы имеем только фрагменты, а дошедшее наследие Антифонта обширнее.

Оговорим еще, что в многогранной деятельности софистов правовое мышление было самым тесным образом слито с философским. Точнее будет сказать так: юридическая мысль тогда еще не получила права на самостоятельное существование (впрочем, у эллинов она не получила этого права и позже, и специалистов-юристов в Древней Греции не было¹⁹) и развивалась в рамках этических учений, которые всегда являются частью философии. Интерес же к этике (а стало быть, и к праву) особенно обострился как раз в софистический век, что стало одним из результатов «поворота философии к человеку», связываемого именно с софистами.

Антифонт и софисты – отдельная интереснейшая тема. И опять же долгое время напрасно пренебрегавшаяся. Не то чтобы по данному вопросу совсем ничего не писали. В частности, даже и в отечественной историографии С.Я. Лурье – единственный исследователь, до автора этих строк специально занимавшийся Антифонтом²⁰, – рассматривал его в контексте софистического движения²¹. Но, как правило, его признавали лишь одним из сугубо второстепенных участников этого движения. Соответственно, в важнейших исследованиях о софистах ему было уделено очень мало места: у Гатри – меньше десятка страниц²², у Керферда – и вовсе две²³. А он и в этом отношении заслуживает куда большего внимания.

Достаточно сказать хотя бы о том, что «Тетралогии» Антифонта – самое большое софистическое сочинение, дошедшее до нашего времени. Ведь, в сущности, что еще имеется в нашем распоряжении из наследия софистов? Лишь разрозненные фрагменты из трудов нескольких крупных представителей их движения – Протагора, Продика, Гиппия, Горгия и др.; от Горгия, кроме того, две довольно краткие речи; плюс пара небольших анонимных произведений («Двоякие речи», «Аноним

¹⁷ О наличии в «Тетралогиях» как философских, так и юридических идей подробнее см. Суриков 2013б.

¹⁸ Barta 2010, 49.

¹⁹ О возможных причинах этого см. Суриков 2004а, 11 сл.

²⁰ Правда, еще в XIX в. некоторые вопросы, связанные с ним, затрагивал В.К. Эрнштедт (Эрнштедт 1879; Jernstedt 1878), но это были вопросы чисто филологические (текстология, рукописная традиция).

²¹ Лурье 1918а; 1925; Luria 1926; 1963.

²² Guthrie 1977, 285–294.

²³ Kerferd 1981, 50–51.

Ямвлиха»). И поэтому «Тетралогии», если рассматривать их в контексте старшей софистики, могут, как нам представляется, дать новую интересную информацию о самом этом явлении, достаточно серьезно скорректировать некоторые стереотипы, существующие в восприятии философии софистов.

Но в том-то и дело, что обычно «Тетралогии» в связи с деятельностью софистов *не* рассматривались! Причиной такого пренебрежения явилось исключительно долго господствовавшее в науке ошибочное мнение о том, что было два античных писателя, которых следует отделять друг от друга: «Антифонт-оратор» (автор судебных речей и «Тетралогий») и «Антифонт-софист» (автор философских трактатов «Об истине», «О согласии» и др., сохранившихся лишь фрагментарно). Представителем софистического движения считали только второго, а первого ему противопоставляли как идеологического оппонента, даже антагониста. Наиболее ярко подобная позиция выступает как раз у С.Я. Лурье. Для него софист Антифонт – крайний демократ и, более того, первый в истории мировой мысли анархист, а оратор Антифонт (Антифонт из Рамнунта) – реакционер и сторонник олигархии.

Здесь мы выходим на так называемый «антифонтовский вопрос», имеющий сходство со знаменитым «гомеровским вопросом» в том отношении, что спор также идет между «унитариями» и «разделителями». Но если в вопросе об авторе или авторах «Илиады» и «Одиссеи» этот спор, наверное, будет продолжаться вечно, без реальных шансов на безусловную победу какой-либо из сторон²⁴, то проблема одного или двух Антифонтов, на наш взгляд, все-таки в принципе решается и, кажется, на этот момент в основном довольно убедительно решена.

«Антифонтовскому вопросу» мы в свое время посвятили специальную работу²⁵, и нет никакого смысла здесь ее подробно пересказывать. Поэтому сформулируем лишь несколько кратких замечаний. В первой половине XX в. «разделители» решительно преобладали среди ученых, занимавшихся Антифонтom. Плоды этой ситуации можно наблюдать по сей день: в каталогах библиотек Антифонт-оратор и Антифонт-софист числятся как два разных автора, аналогично – в электронном TLG и в *Année philologique* Марузо.

Затем, однако, положение начало постепенно меняться. И главный вклад в это внес, безусловно, уже знакомый нам М. Гагарин. В высшей степени весомыми доводами ему удалось буквально «переломить» ход обсуждения проблемы. В частности, в исключительно удачной статье «Античная традиция об идентичности Антифонта»²⁶, а затем в упоминавшейся выше монографии²⁷ он со всей возможной фундированностью изложил и подкрепил «унитаристские» взгляды. Американский исследователь сосредоточил свою аргументацию на двух основных моментах. С одной стороны, он убедительно продемонстрировал: представление о двух не тождественных друг другу Антифонтах базируется, в сущности, лишь на

²⁴ До недавнего времени казалось, что «унитарии» одерживают верх, а взгляды таких ученых, как Л.С. Клейн (Клейн 1998), начинают уже выглядеть занятой экзотикой, анахронизмом. Однако в 2000-е годы гомеровским эпосом всерьез занялся такой авторитетный специалист, как Грегори Надь, и в ряде работ (итоговая: Nagy 2010) нарисовал образ «Гомера», творящего начиная с бронзового века и вплоть до времен Писистратидов (т.е., естественно, чисто условной, фиктивной фигуры). Такой тотальной деконструкции личность основателя европейской литературы, наверное, еще не подвергалась.

²⁵ Суриков 2007а.

²⁶ Gagarin 1990a. В том же духе см. Wiesner 1994/1995.

²⁷ Gagarin 2002, 38 ff.

неуверенных суждениях нескольких позднеантичных и византийских филологов (Дидим, Гермоген Тарсийский, «Суда» – и только), при том, что подавляющее большинство авторов античности знали только одного Антифонта²⁸. К тому же мнение трех перечисленных писателей исходило только из стилистических критериев и уже поэтому выглядит искусственным и надуманным.

Дело в том, что при использовании стилевых признаков в качестве доказательств необходимо принимать во внимание также и жанровые различия: жанр во многом диктует стиль (а в античности, это проявлялось в еще гораздо большей степени, нежели в наши дни²⁹). Антифонт писал философские трактаты, судебные речи, уникальные в жанровом отношении «Тетралогии»; его перу принадлежали и пособие по ораторскому искусству, и политический памфлет («Поношения Алкивиада»), и даже сонник... Удивительно было бы как раз, если бы он во всех этих сочинениях пользовался одними и теми же стилистическими средствами.

Кроме того (и здесь перед нами вторая линия аргументации М. Гагарина), все-таки прослеживается значительное стилевое и языковое (а также и идейное) сходство между «Тетралогиями» и трактатом «Об истине», написанными примерно в одно время, в 440-е годы до н.э.³⁰ Эти памятники отличаются уникальным языком; особенно бросается в глаза экстраординарно усложненный синтаксис (использование вычурных и в то же время сжатых фраз), красивый своеобразной суровой красотой, но в то же время делающий смысл подчас труднопонимаемым. Такой же язык мы во всей греческой литературе классической эпохи встретим *только* у Фукидида³¹, ученика Антифонта (и сам этот факт уже в высшей степени характерен!). Стиль же судебных речей интересующего нас писателя много проще, и это вполне понятно: в них он обращался к массовой аудитории судей, рядовых граждан, а философские произведения и «Тетралогии» предназначал для внимательного чтения узким кругом коллег-интеллектуалов.

Нельзя сказать, чтобы «разделители» сдавали свои позиции совершенно без боя: так, в относительно недавнее время Дж. Пендрик посвятил несколько статей доказательству тезиса о двух Антифонтах³², а затем отстаивал ту же точку зрения в своем издании философских фрагментов «Антифонта-софиста»³³. Однако не оставляет впечатление, что ныне «разделительная» позиция является уже «вчерашним днем», стала редким, маргинальным явлением. Основная аргументация представителями этого направления давно уже исчерпана, и они главным образом повторяют в тех или иных комбинациях уже выдвигавшиеся (и уже опровергнутые) доводы.

Например, такой: возможно ли, чтобы один человек подвизался в столь разнообразных областях интеллектуальной деятельности? Мы, со своей стороны, не

²⁸ В частности, такой ранний автор, как Ксенофонт, вопреки распространенному мнению, не противопоставлял Антифонта-софиста Антифонт-оратору. Подробнее см. Суриков 2006а, 67–68. Наверное, необходимо здесь сделать оговорку о том, что существовал еще драматург Антифонт (рубеж V–IV вв. до н.э.), и это тоже вносило лишнюю путаницу в позднейшую нарративную традицию.

²⁹ См. хотя бы: Фрейденберг 1997, 263.

³⁰ А в то же время, между прочим, еще один философский труд Антифонта – «О соглашениях» – имеет серьезные отличия как по стилю, так и по взглядам от трактата «Об истине», поскольку он был написан позже (ср. Altheim 1926, 257; Farrar 1989, 113).

³¹ За что и порицает великого историка последовательный антикист Дионисий Галикарнаский на всем протяжении своего эссе «О Фукидиде».

³² Pendrick 1987, 1993.

³³ Antiphon the Sophist 2002.

видим в этом ничего невероятного: подобного рода универсализм был в принципе характерен для софистов, более того – являлся предметом их законной гордости. Эти мыслители-энциклопедисты ставили себе в заслугу как раз широту своих интересов и занятий, свое «многознание» (πολυμαθία). Можно припомнить в данной связи известный эпизод с софистом Гиппием Элидским (Plat. Hipp. min. 368b–d). Вот как рассказывает эту историю Платон (словами Сократа, обращенными к самому Гиппию): «Ты говорил, что, когда однажды прибыл в Олимпию, все твое тело было украшено изделиями твоих собственных рук, и прежде всего начал ты с перстня, сказав, что это вещь твоей работы, поскольку ты владеешь искусством резьбы по камню; и другая печатка оказалась твоим изделием, а также скребок и флакончик для масла – будто ты сработал их сам; потом ты сказал, что свои сандалии на ремнях ты собственноручно вырезал из кожи, а также скроил свой плащ и короткий хитон. Но что уж всем показалось весьма необычным и знаком высокой мудрости, так это твое заявление, будто ты сам сплел свой пояс для хитона, хотя такие пояса обычно носят богатые персы. Вдобавок ты заявил, что принес с собою поэмы, эпические стихи, трагедии и дифирамбы и много нестихотворных, на разнообразный лад сочиненных речей. И по части тех искусств, о которых я только что говорил, ты явился превосходящим всех остальных своим знанием, да и самым искусным в науке о ритмах и гармониях, а также в правописании; и то же самое во многих других искусствах, насколько могу я припомнить... Да! Я совсем было позабыл о твоей преискусной памяти: ты ведь считаешь себя в этом самым блистательным из людей».

В словах Сократа (Платона), несомненно, сквозят ирония и некоторая недоверчивость. Однако серьезных оснований для недоверия на самом деле нет. Разумеется, не в похвалу Гиппию то, что он кичился и хвастался своими многогранными умениями. Но он, бесспорно, действительно имел определенную квалификацию в самых различных областях, – как видим, от глиптики до мнемотехники. В этом отношении Гиппий был типичнейшим представителем движения софистов. Почему же отказывать другому софисту – Антифону – в том, что он мог и составлять судебные речи в качестве логографа, и писать философские трактаты, и толковать сны?

Также иногда со стороны «разделителей» звучит следующее соображение: можно ли примирить политические взгляды «Антифонта-софиста» и «Антифонта-оратора», которые традиционно рисовались как полярно противоположные? А Антифонт, между прочим, был не только крупной фигурой интеллектуальной жизни своего времени, но и активным участником политической борьбы. В самом конце своей карьеры он даже побыл (пусть недолго) в положении одного из правителей афинского государства. Здесь самое время перейти к деятельности Антифонта как политика. Для этого придется вкратце реконструировать его биографию, – исходя, разумеется, из посылки о том, что оратор и софист были одним лицом³⁴.

* * *

Антифонт, сын Софила, из аттического дема Рамнунт, родился около 480 г. до н.э. (κατὰ τὰ Περσικά, Ps.-Plut. Vitae X or. 832f; указание на τὰ Περσικά в узком смысле адресует именно к походу Ксеркса на Элладу в 480 г. до н.э.). Отец интересующего нас персонажа, Софил, в некоторых источниках именуется софистом,

³⁴ Отчасти мы будем опираться на выкладки М. Гагарина (Gagarin 2002, 170 ff.) – но именно только отчасти. Мы в свое время провели и самостоятельное просопографическое исследование о том политическом круге, в котором вращался Антифонт (Суриков 2008а).

что, конечно, является анахронизмом для первой половины V в. до н.э. Тем не менее не приходится сомневаться, что Софил являлся высокообразованным человеком и постарался сделать таким же своего сына (в источниках отмечается, что учителем Антифонта был именно его отец); иначе вряд ли наш герой оказался бы в числе ведущих интеллектуалов своего времени.

Исходя из даты рождения легко можно заметить, что детство и юность будущего риторика и философа (470-е–460-е гг. до н.э.) пришлось на период функционирования умеренной, патерналистской модели демократии, внедрявшейся Кимоном³⁵. А вот на пору возмужания Антифонта (450-е гг. до н.э.), напротив, падает серия далеко идущих реформ, осуществленных по инициативе Перикла, которые повели к резкой радикализации демократической политической системы Афин³⁶. Эти реформы завершились к 450 г. до н.э. – как раз тогда, когда Антифонт достиг зрелости и началась его (впоследствии бурная) деятельность.

Первоначально деятельность эта была чисто интеллектуальной³⁷ и проходила, повторим уже не в первый раз, в рамках софистического движения. Из всего видно, что с идеями софистов Антифонт познакомился в достаточно молодом возрасте и как-то сразу проникся ими, поскольку они открывали начинающему талантливому автору весьма широкое поле для дальнейшей разработки. В 440-е годы до н.э. он написал «Тетралогии» и трактат «Об истине», в 430-е годы до н.э. – трактат «О согласии».

Сопоставляя эти два философских сочинения, каждый увидит, что они весьма различны по направленности: первый («Об истине») предстает в куда большей степени радикальным, смелым, даже циничным. Чего стоит хотя бы высказывание: «человек может пользоваться справедливостью с наибольшей выгодой для себя, если при свидетелях будет высоко ставить законы, а в отсутствие свидетелей – требования природы»³⁸ (Antiph. fr. 44 DK)³⁹. Иными словами, в случае, когда никто не видит, требования законов можно и не соблюдать?

Ничего подобного не найдем мы в труде «О согласии», он гораздо более отвечает принципам какого-то конформизма, «примирения с действительностью» (даже и само название вроде бы говорит об этом). Из данного трактата, в частности, происходит фрагмент, начинающийся характерным суждением: «Нет для людей ничего хуже безвластия (*ἀναρχίας*)» (Antiph. fr. 61 DK). Нужно сказать, что видеть анархиста (как делал С.Я. Лурье) в человеке, который предельно негативно

³⁵ Суриков 2008б, 223 слл., 355.

³⁶ Об этих реформах см. Суриков 2008в, 111 слл. Только за счет их игнорирования немецкий исследователь В. Вилль, крайне негативно настроенный по отношению к Периклу, пытается отрицать крупную историческую роль последнего (Will 1995; 2003). К критической оценке построений В. Вилля см. Суриков 2005.

³⁷ Если Антифонт уже в 440-х – 430-х годах до н.э. как-то участвовал в политике, – например, входил в состав одной из многочисленных группировок-гетерий (что, вообще говоря, вполне допустимо), то никаких прямых данных об этом у нас нет. Впрочем, мы должны правильно представлять себе эти тогдашние группировки. Их члены, собравшись, с равным жаром обсуждали чисто политические и чисто философские проблемы (ср. *Plut. Pericl.* 36). Вообще говоря, удивительным обществом были эти Афины времен «великого проекта»... О «великом проекте» см. Суриков 2011б, 60 слл.

³⁸ В данном фрагменте у Антифонта особенно акцентированно звучит проблематика «закон – природа» (*νόμος – φύσις*), вообще активно разрабатывавшаяся в рамках софистического движения (Kerferd 1981, 111–130; Long 2005).

³⁹ Все цитаты из Антифонта приведены в нашем переводе.

высказался об анархии⁴⁰, вряд ли приемлемо. Кстати, мыслитель, написавший произведение, главная мысль которого – необходимость согласия, единомыслия (ὁμόνοια), предполагающего повиновение законам (Antiph. fr. 44a DK), – уже по одному этому вряд ли может признаваться анархистом и даже демократом: как анархия, так и демократия исключают единомыслие.

Подчас предлагается считать, что перед нами именно диахронная эволюция взглядов данного автора, начавшего «скатываться» от последовательного демократизма к иной позиции – более консервативной и даже (со временем) реакционной, антидемократической, олигархической⁴¹. В свое время и мы однозначно полагали именно так⁴²: стать противником демократии Антифонта подвигли ярко выраженные охлократические процессы⁴³, наметившиеся в Афинах в период Пелопоннесской войны. Впрочем, позже мы подвергли некоторой ревизии свои первоначальные взгляды⁴⁴, усомнились, был ли вообще Антифонт когда-нибудь демократом. Во всяком случае, вопрос более сложен, чем кажется на первый взгляд. Через несколько строк мы к нему вернемся, а пока констатируем: М. Гагарин, со своей стороны, акцент делает не на изменении воззрений Антифонта, а на то, что два трактата, о которых идет речь, имели неодинаковые цели и предназначались для разных, так сказать, «референтных групп»: «Об истине» – для единомышленников, «О согласии» – для более широкого круга читателей⁴⁵. Это, безусловно, тоже во многом правомерно.

Но, повторим, не предвзяты ли вообще попытки вычитать из произведений Антифонта демократические убеждения? Ключевым здесь является самый крупный и важный философский фрагмент нашего автора (Antiph. fr. 44 DK; выше он уже упоминался, не следует путать его с фрагментом 44a DK, имеющим совершенно иную направленность). Он был открыт на одном из оксиринхских папирусов (Р. Оху. XI. 1364) и опубликован в начале XX в. Будучи, таким образом, введен в научный оборот⁴⁶, он произвел сильное впечатление на исследователей своим радикализмом, что и создало Антифону репутацию «крайне левого». Однако, если внимательно прочесть данный пространный отрывок, становится ясно: самое главное, что в нем можно найти, – это неприкрытый цинизм, который, надо полагать, все-таки не тождествен с демократизмом взглядов?

В частности, Антифонтом здесь осуждаются «...и те, которые, пострадав, будут защищаться, а сами не начнут первыми; и те, которые будут оказывать благодеяния родителям, даже если те плохо с ними обращаются; и те, которые дают другим обвинять себя, а сами не обвиняют. И в этих поступках можно найти много враждебного природе; и они подразумевают, что нужно больше огорчаться, хотя можно меньше, и нужно меньше радоваться, хотя можно больше, и нужно претерпевать зло, хотя можно не претерпевать». Многим тут видится явное созвучие, например,

⁴⁰ Eucken 1996, 82.

⁴¹ Farrar 1989, 113.

⁴² Суриков 2007a, 41–42.

⁴³ Даже обскурантистские. Ср. позицию Клеона в *Thuc.* III. 37. 3–4 (см. к характеристике этой его речи: Nagris 2013). Вспомним о судебных процессах против философов-«безбожников» (Анаксагора, Диагора, Протагора). Такому рафинированному интеллектуалу, как Антифонт, вряд ли могло уютно жить в подобное время.

⁴⁴ Суриков 2010, 61–62.

⁴⁵ Gagarin 2002, 93 ff.

⁴⁶ Кстати, одним из первых на его публикацию откликнулся как раз С.Я. Лурье (Лурье 1918б).

с рассуждениями Калликла в «Горгии» Платона. Прототипом этого «сверхчеловека», призывающего не обращать внимания на общепринятые нормы, называли и Алкивиада, и Крития... Представляется, как минимум, допустимым, что при создании образа Калликла Платон мог иметь в виду также и Антифонта.

Относительно же Калликла все согласны в том, что он изображен автором «Горгия» как выученик софистов (или просто софист), опасный человек, предтеча тирании и т.п.⁴⁷, но уж отнюдь не как сторонник демократии. Напротив, от таких-то людей и исходит угроза для демократического устройства.

Цинизм, кстади говоря, весьма характерен и для такого памятника, созданного в 420-е годы до н.э. олигархической мыслью (и в то же время, как отмечалось выше, имеющего отношение к софистической традиции), как «Афинская политика» Псевдо-Ксенофонта. Ее неизвестный автор имеет с Антифоном ряд общих черт. Оба – олигархи, вынужденные жить в условиях демократии, причем становящейся все более радикальной), видящие бесполезность борьбы⁴⁸ (в начале Пелопоннесской войны никто еще не мог догадываться, что спустя не столь уж и долгое время сложится благоприятная почва для антидемократических переворотов) и, соответственно, обреченные волей-неволей вырабатывать некий *modus vivendi* с ненавистным демосом.

В результате их позиция не могла не приобретать циничный оттенок. В качестве единственного «плюса» демократии, хоть как-то примирявшего с ней, представляла перед этими мыслителями ее эффективность. Отсюда – коллизия между двумя известными высказываниями: «Что касается государственного устройства афинян, то, если они выбрали свой теперешний строй, я не одобряю этого по той причине, что, избрав себе его, они тем самым избрали такой порядок, чтобы простому народу жилось лучше, чем благородным» (Ps.-Xen. Ath. pol. 1. 1); «Но, раз уж они решили иметь демократическое правление, мне кажется, что они удачно сохраняют демократию» (Ps.-Xen. Ath. pol. 3. 1).

Подобный подход предельно логичен именно для софистов: не признавая в большинстве своем абсолютных ценностей, будучи релятивистами и прагматиками, какой иной критерий могли они считать наиболее приемлемым, если не эффективность? Подобный утилитаризм взглядов (например, эстетических) с ними разделял даже и Сократ⁴⁹; уйти от утилитаристских крайностей удалось лишь Платону, но это была уже совсем другая эпоха.

По ходу Пелопоннесской войны как раз эффективность афинской демократии становилась все более проблематичной; в особенной степени это показали события, связанные с сицилийской экспедицией 415–413 гг. до н.э., после громкого провала которой (а ведь мероприятие, в стратегическом плане дельно и логично задуманное, могло бы иметь и успешный исход, если бы не грубейшие тактические просчеты⁵⁰) возникли серьезнейшие сомнения в том, способно ли вообще тогдашнее демократическое устройство, приобретшее черты власти демагогов посредством манипуляций безответственным демосом-охлосом⁵¹, конструктивно решать какие-либо встающие перед государством задачи. В результате те, кто долго терпел эту

⁴⁷ См. хотя бы Saxonhouse 2009; Edmonds 2012; Rowe 2012.

⁴⁸ В эпоху Перикла и даже вплоть до Сицилийской экспедиции в Афинах «не было олигархов» – утверждает Э. Бадриан (1995, 81). Олигархи, конечно, все-таки были даже и тогда, но они как бы затаились, понимая, что живут в не лучшее для них время.

⁴⁹ Согласно Сократу, прекрасно то, что полезно (Xen. Symp. 5. 5–7).

⁵⁰ См. Суриков 2007б.

⁵¹ К проблематике демоса и охлоса см. Карпюк 2003, 100 слл.

политическую систему, в 411 г. до н.э. поднялись на ее свержение; среди них был и Антифонт.

К вопросу о возможной эволюции его позиции – как в плане теоретических взглядов, так и в плане практических действий – мы вскоре вновь вернемся, а пока обратим внимание еще вот на какой нюанс. Весьма позитивное впечатление на всех поклонников прогресса производило в вышеупомянутом папирусном фрагменте из трактата «Об истине» то, что в нем провозглашается принципиальное единство «эллинов» и «варваров»:

«По природе все рождены во всем подобными, и варвары, и эллины. Судить же об этом позволяют естественные потребности всех людей: ведь они у всех удовлетворяются с помощью одних и тех же способностей, и в этом отношении никто из нас не определяется как варвар или эллин... Ибо мы все и вдыхаем воздух через рот и нос, и смеемся, радуясь умом, и плачем, печалясь, и слухом воспринимаем звуки, и видим оком⁵² с помощью зрения, и руками работаем, и ногами ходим...» (Antiph. fr. 44 DK).

Подобная гуманность, достаточно резко контрастирующая с точкой зрения подавляющего большинства греческих писателей классической эпохи, тоже как-то располагала к Антифону и побуждала вопреки очевидности делать из него поборника демократии, «левого». Но это – характерная модернизаторская аберрация. На деле же как раз у приверженцев народовластия в Афинах демократизм убеждений органично уживался с шовинизмом. У Еврипида, наиболее демократично настроенного из великих аттических драматургов, встречаем строки, недвусмысленно уделяющие эллинам роль господ, «варварам» – роль рабов (Eur. Iph. Taur. 1400 sq.).

И как раз олигархам в меньшей степени, нежели демократам, был свойствен этот шовинизм. Во всяком случае, это проявлялось, например, в отношении к союзникам по Афинской архэ. Хорошо известно, что противники радикальной, империалистической демократии строили свою пропаганду в значительной степени на упреках демагогам в том, что те превращают Афины в «город-тиран». Соответственно, они часто брали на себя защиту интересов союзных полисов и их граждан от чрезмерного произвола со стороны державного демоса. В полной мере относится сказанное и к Антифону, о чем свидетельствуют его фрагментарно сохранившиеся речи «О форосе линдийцев», «О форосе самофракийцев»⁵³ и полностью дошедшая «Об убийстве Герода» (о ней см. ниже).

Итак, похоже, что в рядах убежденных сторонников демократии (во всяком случае, периклова и пост-периклова толка) Антифонт никогда не значился. С другой стороны, это не означает, что «диахронная» версия не имеет никакого права на существование. Просто ее нужно иначе сформулировать. Не Антифонт, преобразившийся из «демократа» в «олигарха» нас будет интересовать, а «олигарх» Антифонт, чьи взгляды со временем становились, во-первых, все более крайними и оппозиционными существующему демократическому режиму, во-вторых же, все более интенсивно претворялись в активные действия.

Как уже отчасти говорилось выше, между трактатом «Об истине», написанном в 440-е гг. до н.э., и трактатом «О согласии», датируемом с наибольшим основанием

⁵² У Антифонта употреблено именно возвышенное, поэтическое выражение τῇ αὐτῇ. Впрочем, это слово можно понимать и как солнечный свет, но тогда менее ясной становится грамматическая конструкция фразы.

⁵³ Русский перевод соответствующих фрагментов см. Суриков 2009, 12–13, 16–17. В целом о фрагментах судебных речей Антифонта см. Mészáros 2008.

430-ми гг. до н.э., есть идейные различия. Если с мыслями, высказываемыми в первом из этих сочинений, мог бы, полагаем, без натяжек согласиться любой представитель интеллектуальной демократической элиты, второе должно было производить несколько иное впечатление. Уж слишком силен в нем акцент на началах дисциплины, порядка, безусловного повиновения законам.

«Но и согласие, во всяком случае, представляется величайшим благом для городов, и чаще всего в них советы старейшин и лучшие мужи увещают граждан сохранять согласие; и повсюду в Элладе существует закон – гражданам клясться, что они будут в согласии, и повсюду приносят эту клятву. Я же считаю, что это заключается не в том, чтобы граждане присуждали победу одним и тем же хорам, или восхваляли одних и тех же флейтистов, или предпочитали одних и тех же поэтов, или радовались одному и тому же, а в том, чтобы они повиновались законам. Ибо когда граждане им следуют, города становятся более сильными и богатыми; а без согласия ни городом невозможно хорошо управлять, ни домохозяйство хорошо вести» (Antiph. fr. 44a DK).

Все это явно должно было напоминать читателям/слушателям⁵⁴ Антифонта не афинские, а спартанские реалии⁵⁵. Можно в данной связи упомянуть еще и похвалу воспитанию, звучащую в том же трактате: «Воспитание, считаю я, – первое из того, что есть в людях: ибо, когда правильно сделают начало хоть какого-нибудь дела, вероятно, что и конец будет правильным. Ведь и какое посеют в землю семя, такие и всходы следует ожидать. И, когда посеют в юное тело благородное воспитание, тело живет и цветет на протяжении всей жизни, и ни дождь, ни засуха этого не отнимут» (Antiph. fr. 60 DK). Опять же в связи с этим не могло не припоминаться спартанское общество, в котором (во всяком случае, согласно взглядам, весьма распространенным в Греции, в том числе и в Афинах) наибольшее развитие получила система воспитания, направленная всецело на приобретение будущими гражданами всяческих доблестей.

Одним словом, в рассматриваемом произведении Антифонт зарекомендовал себя как акцентированный лаконофил. Отметим еще, что в трактате «О согласии» звучат нотки нескрываемого пессимизма. Например: «Вся жизнь удивительным образом подходит для порицания, милейший, и ничего в ней нет большого, вели-

⁵⁴ Традиционно считается, что в V в. до н.э. литературные произведения писались еще для восприятия слухом, а не зрением. В целом это так; но, кажется, именно Антифонт первым стал отходить от этого правила (ср. Gagarin 2002, 103 ff.; Суриков 2011а, 260–261, прим. 13), и, кстати, впоследствии по тому же пути пошел лучший из его учеников – Фукидид (*Thuc.* I. 21–22; см. в связи с этим: Morrison 2006, 9). Ранние произведения Антифонта «Об истине» и «Тетралогии» – очень трудные тексты (и с точки зрения содержания, и с точки зрения языка); их надо было именно читать, а не слушать, чтобы понять в полной мере. Напомним, кстати, что Антифонт являлся и первым логографом, а с этим ремеслом связана необходимость именно читать, ведь клиенты логографов заучивали написанные теми речи наизусть, а это можно сделать только путем чтения.

⁵⁵ См. ярчайшую характеристику спартанского повиновения законам: *Herod.* VII. 104. Ср. также аргументированный отзыв Платона (устах Сократа, современника Антифонта) о Спарте как самом богатом государстве Греции (*Plat. Alc.* I. 122d – 123a); в том, что оно является также и самым сильным, вообще никто не сомневался вплоть до времен Эпаминонда. В процитированном фрагменте имеются и другие спартанские аллюзии, например, упоминание о «советах старейшин» (γερουσίαι) – орган с таким названием существовал именно в Спарте. Можно даже заметить, что само название трактата Антифонта «О согласии» (Περὶ ὁμονοίας), несомненно, коррелировало в уме соответствующим образом настроенных читателей со спартанскими ὁμοιοί.

кого и священного, а все мало, слабо, кратковременно и перемешано с великими печальями» (Antiph. fr. 51 DK). Перед нами тоска ностальгирующего оппозиционера, жалобы на то, что жизнь в целом измельчала... Не удивительно, что человек с подобным подходом выступил теоретическим разработчиком переворота 411 г. до н.э., целью которого было возвращение к «порядкам прошлого», ко временам Клизфена и Солона.

В годы Пелопоннесской войны (скорее, во второй половине ее первого десятилетия) Антифонт начал проявлять себя и в политической жизни (получается, уже в достаточно зрелом возрасте – под шестьдесят⁵⁶). Аристофан в «Осах», поставленных в 422 г. до н.э., упоминает его как одного из членов гетерии Фриниха (οἱ περὶ Φρύνιχον, Aristoph. Vesp. 1300–1301) – в будущем лидера переворота 411 г. до н.э., возглавившего установившийся в его результате олигархический режим Четырехсот⁵⁷. Похоже, что у Антифонта, как говорится, кончилось терпение – в связи с окончательным наступлением «эры демагогов» после смерти Перикла – и он решил, что пришла пора бороться с деструктивными тенденциями не только в теории, но и на практике.

Правда, еще какое-то время он предпочитал держаться несколько в тени, не афишировал своего подлинного влияния и, – по крайней мере, внешне – оставался на «вторых ролях» до тех пор, пока не пришло время решительных действий. Потому-то он и не позиционировал себя в качестве руководителя собственной гетерии⁵⁸; к таким людям всегда было привлечено пристальное внимание общественного мнения, а как раз такого внимания Антифонт не хотел. Ему удобнее было находиться в положении незримого «мозгового центра» группировки. Точно так же поступали и некоторые другие политики более раннего времени: Мнесифил при Фемистокле в 480 г. до н.э.⁵⁹, Дамонид (или Дамон) при Перикле в 460-е–450-е годы до н.э.⁶⁰

Именно тогда – не ранее конца 420-х годов до н.э.⁶¹ – наш герой стал и первым логографом. Его сохранившиеся судебные речи датируются в исследовательской литературе с некоторыми расхождениями⁶², однако в целом их хронология не выходит за пределы конца 420-х – 410-х годов до н.э.

С какой целью Антифонт взялся работать для клиентов? Логографы последующего времени, IV в. до н.э., делали это в основном ради заработка; их профессия являлась весьма прибыльной⁶³. Нельзя, конечно, исключать подобной же мотивации и в случае с интересующим нас персонажем. Деньги, судя по всему, были

⁵⁶ Современники прозвали Антифонта «Нестором». Нестор, как известно, – самый красноречивый герой «Илиады», но ведь также и самый пожилой.

⁵⁷ О Фринихе см. Westlake 1956; Schindel 1970; Hammond 1977.

⁵⁸ О гетериях и их лидерах см. Суриков 2011в, 217 слл. (со ссылками на предшествующую литературу).

⁵⁹ Frost 1971.

⁶⁰ О проблеме Дамона-Дамонида см. Raubitschek 1955; Ritoók 2001; Суриков 2006б, 158–161.

⁶¹ Avery 1982, 157; Gagarin 2002, 180.

⁶² В связи с их датировкой см. также Dover 1950; Freeman 1952; Schindel 1979, 6; Heitsch 1980, 3; 1984, 32, 90.

⁶³ Впрочем, относительно знаменитейшего из логографов – Лисия – С. Мансури в недавно вышедшем исследовании замечает, что тот руководствовался не только материальными, но и идейными побуждениями (Лисий был убежденным демократом). См. Mansouri 2011, 99 ss.

ему небезразличны. По сообщению Ксенофонта (Мем. I. 6), он брал деньги со своих учеников и настойчиво упрекал Сократа за то, что тот не поступает так же⁶⁴. Очевидно, «босоногий мудрец» представлялся Антифону нарушителем «корпоративной этики», занимающимся, так сказать, демпингом, что откровенно раздражало нашего героя. Далее, указывается, что комедиограф Платон как раз примерно в то же время высмеивал Антифонта за сребролюбие (Plato Com. fr. 103 Kock)⁶⁵. Впрочем, драматурга мог задевать уже сам тот факт, что кто-то начал обогащаться путем составления речей (речи ведь писались логографами, полагаем, в любом случае не бесплатно), придумав совершенно новый, ранее не существовавший источник дохода.

С другой стороны, не сомневаемся, справедливо и утверждение Фукидида (VIII. 68. 1) о том, что Антифонт своим искусством красноречия помогал единомышленникам. Похоже, что его деятельность как логографа можно трактовать в том числе и как форму участия в политике. Характерно, что из трех его сохранившихся судебных речей в двух присутствуют политические мотивы. Нет таковых только в речи I «Против мачехи» (или, во всяком случае, мы теперь не в состоянии их в ней обнаружить)⁶⁶.

В речи V «Об убийстве Герода», самой большой по размеру и лучшей в художественном отношении из имеющихся в нашем распоряжении произведений Антифонта, эти мотивы скорее подспудны. Клиент Антифонта – молодой митиленин Евксифей – обвиняется в убийстве афинянина Герода, клеруха в Митилене⁶⁷; согласно нормам аттического права, обвинителями выступают родственники Герода, т.е. тоже афинские граждане.

Политической подоплекой речи является то, что после митиленского восстания 428–427 годов до н.э. афиняне негативно относились к митиленианам⁶⁸, на чем и пытаются «сыграть» противники Евксифея. Последний не мог принимать личного участия в мятеже, поскольку был тогда еще подростком, отец его – один из именитых митиленин, человек на момент процесса уже пожилой – оказался каким-то образом причастен к этим делам. Хотя к иску об убийстве данный факт не имел ровно никакого отношения, родственники Герода припомнили и о нем (нападки на родителей и родственников противника были вообще распространенным приемом в судебных речах⁶⁹). В результате обвиняемый вынужден оправдываться не только за себя, но и за отца:

⁶⁴ Morrison 1963, 35.

⁶⁵ Интересно, что делал он в это в политической комедии под названием «Писандр», заглавный герой которой впоследствии выступил, вместе с Антифонтom и Фринихом, одним из организаторов переворота 411 г. до н.э. Датировка ее неясна; одни исследователи относят ее к 422 г. до н.э., другие же более осторожно считают, что точнее, чем «до 411 г. до н.э.», время ее постановки определить нельзя. См. к вопросу Kraus 1970, 905.

⁶⁶ Эту речь высоко оценивал великий Виламовиц (Wilamowitz-Moellendorff 1887); впоследствии, однако, ее стали считать едва ли не самым слабым произведением Антифонта, и только в последнее время раздался голос в пользу ее «реабилитации» как памятника ораторского искусства и правовой мысли (Carawan 1998, 216 ff.; Gagarin 2002, 146 ff.). В отечественной литературе об этой речи (а также о речах V и VI) см. Суриков 2012; 2013а.

⁶⁷ В результате внимательного прочтения речи присоединяемся к преобладающей точке зрения, согласно которой Герод был именно афинским гражданином, а не митиленским. Противоположное мнение см. Roussel 1932.

⁶⁸ См. в связи с этим Wassermann 1956; 1968; Debnar 2000; Schmitz 2010; Harris 2013.

⁶⁹ Суриков 1999, 40–41; Кудрявцева 2008, 231.

«Прежде, чем случилось отпадение митилеян, отец делом показывал свою приверженность к вам (афинянам. – *И.С.*). Когда же весь город, отпав, принял дурное, ошибочное решение, поневоле со всем городом провинился и мой отец. Итак, мыслями своими он даже и при таких обстоятельствах все равно был за вас, но уже не мог в этой ситуации проявлять ту же приверженность к вам. Ибо у него не было возможности легко покинуть город: ведь многое его там удерживало – и дети, и имущество. А, с другой стороны, оставаясь в городе, не под силу ему было отстаивать свое мнение» (*Antiph. V. 76*).

Обращает на себя то, что Антифонт защищает в суде гражданина союзного полиса против обвинителей-афинян. Это выглядит логично вытекающим из его общей позиции (о ней говорилось выше), которая была, в сущности, принципиальной позицией афинских противников радикальной демократии в целом, – начиная, как минимум, с Фукидида, сына Мелесия (*Plut. Pericl. 12*). Она заключалась в том, чтобы противостоять империалистическим тенденциям, бороться с нарастанием откровенного насилия со стороны Афин по отношению к союзникам. Напомним, что у Антифонта было несколько речей, написанных с целью снижения форо́са для отдельных городов, входивших в Архэ.

Наиболее силен политический подтекст в речи VI «О хоревте»⁷⁰. Здесь клиент нашего логографа (имя этого человека, к огромному сожалению, неизвестно) – немолодой уже афинянин, знатный и богатый, входящий в состав политической элиты и, судя по всему, даже принадлежащий к числу наиболее видных государственных деятелей своего времени, причем придерживающийся консервативных взглядов, позиционирующий себя врагом демагогов (таким образом, он был соратником самого Антифонта).

На этого гражданина была наложена литургия: его назначили хорегом⁷¹, и он должен был подготовить хор мальчиков для выступления на одном из празднеств. В ходе обучения хоревтов одному из них дали какое-то лекарство (очевидно, чтобы улучшить голос), от которого мальчик скончался. Родственники умершего обвинили хорегу в неумышленном убийстве. Подзащитный Антифонта в своей речи заявляет, что процесс имеет чисто политическую подоплеку: иск возбужден по наущению его противников – демагогов Филина, Аристиона, Амπεлина и др., ибо незадолго до того хорег выступил против них с серьезным обвинением, и они хотели от него избавиться.

Из упомянутых в предыдущей фразе лиц наиболее интересен Филин. Эпиграфические данные (надписи на остраконах для остракизма) позволили установить, что он был родным братом гораздо более известного демагога – Клеофонта⁷², одного из трех (наряду с Клеоном и Гиперболом) «великих демагогов», действовавших в Афинах на протяжении Пелопоннесской войны. Оба брата – и Клеофонт, и Филин, – разумеется, принадлежали к числу врагов Антифонта. У последнего была и особая речь «Против Филина», от которой сохранилось лишь несколько фрагментов⁷³ (*Antiph. fr. 61–64 Blass – Thalheim*).

⁷⁰ Erbse 1963, 17.

⁷¹ О хорегии см. Бондарь 2009, 15 слл.

⁷² Vanderpool 1952; Raubitschek 1954; Суриков 2004б, 59–60.

⁷³ Их русский перевод см. Суриков 2009, 18–19. Фрагменты, к сожалению, малоинформативны. В речи в какой-то связи много говорилось о жеребьевке, а также упоминалась радикально-демократическая (или, скорее, демагогическая?) инициатива Филина – «сделать всех фетов гоппитами».

Таким образом, можно видеть, что политическая «составляющая» в деятельности Антифонта постепенно нарастала. Прекрасно известно чем это закончилось. События 411 г. до н.э., свержение афинской демократии⁷⁴ («...вдохновителем всего этого переворота, разработавшим план его осуществления уже с давних пор, был афинянин Антифонт» – Thuc. VIII. 68. 1); кратковременное – на протяжении буквально нескольких месяцев – пребывание бывшего оратора-софиста в роли вначале второго, после Фриниха, а затем (когда Фриних был убит) даже и первого лица в государстве; ликвидация олигархии Четырехсот, отдача Антифонта под суд⁷⁵ (что интересно, он не бежал из полиса, подобно большинству других лидеров павшего режима, а предпочел честно предстать перед дикастами, хотя и не мог не понимать полную безнадежность своего дела⁷⁶); его «лебединая песнь» – блистательная защитительная речь «О перевороте», которая не спасла его от осуждения, но произвела сильнейшее впечатление на современников (Thuc. VIII. 68. 2; Arist. Eth. Eud. 1232b7 sqq.)⁷⁷; казнь с бесчестием.

Итак, рассмотрение взглядов и деятельности Антифонта приводит нас к тому же выводу: перед нами не два разных человека – демократ и олигарх, а идейная эволюция одного и того же лица, интеллектуала-софиста, постепенно становившегося все более активным оппозиционером по отношению к правящей демократии. И эволюция эта, кстати, выглядит весьма логичной в свете общего «дрейфа» тогдашней софистической мысли.

В связи с вопросом о политической позиции софистов существуют две основные точки зрения. Одна традиционна (восходит, пожалуй, к Дж. Гроту⁷⁸) и заключается в том, что эти философы всегда последовательно придерживались демократических позиций⁷⁹. Вторую относительно недавно выдвинул Р. Уоллес⁸⁰, утверждавший, что в развитии софистического движения было два этапа, а рубежной датой выступает 430 год до н.э., после которого взгляды софистов становятся менее демократичными и, соответственно, отношение к ним со стороны афинской демократии – менее благожелательным.

Нам представляется более близким к истине именно это последнее мнение. Более чем закономерно, что главным притягательным центром софистического движения

⁷⁴ Редкий случай совершенно бескровного переворота (при всей его масштабности, – между прочим, это был первый в истории Афин случай, когда демократия была свергнута). См. Taylor 2002.

⁷⁵ По счастливой случайности до нас дошла псефисма о суде над Антифонтом, и даже с приложенным текстом смертного приговора (*Ps.-Plut. Vitae X* or. 833e – 834b). Это очень ценный источник по политической борьбе в 411 г. до н.э. (Ferguson 1932, 358).

⁷⁶ Как правильно показывает М. Гагарин (2002, 162–164), Антифонт, защищаясь в суде, пытается доказывать свою невиновность с помощью логических аргументов, апеллирует к разуму, а не к эмоциям. Можно ли представить себе что-либо более бесполезное (и даже вредное) в выступлении перед коллегией афинских дикастов? Но Антифону, судя по всему, было важнее отстаивать свою невиновность, чем остаться в живых, и это рекомендует его как весьма принципиального человека. Более того, М. Гагарин с полным основанием указывает на аналогию с другим (куда более известным) процессом, имевшим место через 12 лет. Наверняка читатели уже догадываются, о чем и о ком идет речь. Добавим, что параллель между «делом Антифонта» и «делом Сократа» до Гагарина никем не была в должной мере подмечена.

⁷⁷ Русский перевод сохранившихся фрагментов речи см. Суриков 2009, 5–8.

⁷⁸ Grote 2001, 408 ff. (очередное переиздание классического труда).

⁷⁹ Один из последних примеров манифестации данного мнения: Gagarin 2002, 11.

⁸⁰ Wallace 1998; 2007.

были Перикловы Афины с их «просвещенной демократией». Но после Перикла⁸¹ на смену этой «просвещенной демократии» как-то уж очень стремительно пришла «непросвещенная». Лидер ее радикального крыла – Клеон – откровенно заявлял: «Необразованность при наличии благонамеренности полезнее умственности, связанной с вольномыслием. Действительно, более простые и немудрящие люди, как правило, гораздо лучшие граждане, чем люди более образованные. Ведь те желают казаться умнее законов» (Thuc. III. 37. 3–4)⁸². Лидер ее умеренного крыла – Никий – хоть и не позволял себе подобных высказываний, но думал, без сомнения, точно так же; во всяком случае ему гораздо ближе было общество гадателей и прорицателей, чем общество интеллектуалов. Не может не броситься в глаза резчайший контраст с Периклом, который мог провести целый день в беседе с Протагором на довольно абстрактную тему – о принципах причинности (Plut. Pericl. 36).

Создается впечатление, что афиняне, вызвав из бутылки джинна релятивизма, теперь сами испугались практических последствий этого поступка. Яркое свидетельство тому – комедия Аристофана «Облака». Началась самая настоящая реакция: отношение к софистам и прочим «безбожникам» радикально ухудшилось, прошел ряд судебных процессов, направленных против них. Соответственным образом изменилась и позиция интеллектуалов. Ясно, что охлократические и обскурантистские тенденции, наметившиеся в Афинах в период Пелопоннесской войны, никоим образом не могли приветствоваться такими рафинированными интеллектуалами, как представители софистического движения (одним из которых был Антифонт). Тем более что и в политическом отношении государство, оказавшееся «в плену у демагогов», неуклонно катилось в пропасть. Не будем забывать о том, что переворот 411 г. до н.э., одним из главных деятелей которого стал Антифонт, в сущности, был отчаянной попыткой любой ценой спасти положение и предотвратить крах. Кстати, режим «Четырехсот» (выросший «изнутри»), в отличие от режима «Тридцати тиранов» (откровенно навязанного Лисандром), не имел репрессивного и террористического характера.

В работе Т. Саундерса (одной из немногих, где предпринимается попытка соотнести Антифонта с другими мыслителями V в. до н.э.) наш автор определен как «консервативный фундаменталист», уникальный для греческой общественной мысли⁸³. Мы бы, пожалуй, поспорили буквально со всем в этой формулировке. Прежде всего, сильно преувеличено суждение об уникальности взглядов Антифонта: весьма близок к нему Критий (тоже софист или, по меньшей мере, ученик софистов – и в то же время выраженный олигарх-лаконофил), да даже и Сократ не так далек, как может показаться на первый взгляд⁸⁴ (он тоже был и лаконофилом, и, в общем-то, сторонником олигархии). Далее, у Антифонта очевидным образом был скептический, ищущий ум, что чуждо любому фундаментализму, охотно довольствующемуся имеющейся суммой знаний и воззрений.

⁸¹ А точнее – уже в самые последние годы его жизни (хотя и явно вопреки его воле). Вспомним псефисму Диопифа, судебные процессы Анаксагора, Аспасии и др. (см. Суриков 2002, 86 слл.).

⁸² См. в данной связи интересную статью: Wassermann 1956.

⁸³ Saunders 1977/1978, 230.

⁸⁴ Подробнее см. Суриков 2011г. Сократа, конечно, тоже нужно рассматривать всецело в контексте софистического движения (пожалуй, не было бы софистов – не было бы и Сократа; ср. Kerferd 1981, 155; Суриков 2002, 265), хотя его участие в этом движении было весьма *sui generis*. Тем не менее попытки «лобового» противопоставления» Сократа софистам (как в работе: Туманс 2011) уже не представляются безусловно оправданными.

Наконец, самое главное. Можно ли называть Антифонта и таких людей, как он, – интеллектуальных оппозиционеров системе афинской демократии – консерваторами? Позволим себе серьезно усомниться в этом. Да, для нас привычны такого рода ассоциации: «демократы – революционеры, радикалы»; «противники демократии – консерваторы, охранители». Но эти стереотипы, сложившиеся в совершенно иную эпоху (конкретно – в эпоху буржуазных революций в Европе нового времени), мало применимы к древнегреческому демократическому полису в пору его расцвета. В Афинах V в. до н.э., о которых здесь идет речь, все было в точности наоборот. Консерваторами и охранителями, сторонниками существующего порядка являлись как раз приверженцы демократии – постольку, поскольку именно демократию представлял собой этот существующий порядок⁸⁵. Олигархи же, противники демократического режима⁸⁶, напротив, освоили нишу оппозиционных радикалов, революционеров-ниспровергателей, стремящихся изменить *status quo*. Антифонт среди этих последних занимал одно из виднейших мест.

Он был революционером не только как политик, но и как мыслитель. Как удачно подметил один современный ученый⁸⁷, Антифонт, активно подчеркивающий приоритет «природы» перед «законом», под этой самой «природой» (φύσις), в сущности, понимает сам феномен *жизни*, которая для нашего автора выступает единственной фундаментальной ценностью. Его философскую систему (постольку, поскольку о ней можно ответственно говорить) можно воистину назвать «философией жизни», и Антифонт оказывается отдаленным предтечей... Фридриха Ницше. Мы, со своей стороны, не сомневаемся, что Ницше, с эпатажем позиционировавший себя как нигилиста, «философствующего молотом», не без симпатии прочел бы антифоновский фрагмент 44 DK с откровенно звучащими в нем нигилистическими нотками, если бы был еще жив на момент публикации названного фрагмента.

Революционером был Антифонт и в ряде других областей интеллектуальной деятельности, будь то ораторское искусство (напомним: первый логограф!) или правовая сфера⁸⁸. Иными словами, перед нами вновь и вновь вырисовывается единая, целостная личность, чьи проявления на различных поприщах были органично и последовательно связаны друг с другом. О личности этой можно было бы еще долго говорить (по большому счету, Антифонт заслуживает монографии), но ограниченные рамки данной статьи заставляют нас прерваться. Вскоре последует выполненный нами первый перевод всех целиком сохранившихся произведений Антифонта на русский язык.

Литература

1. Бондарь Л.Д. 2009: Афинские литургии V–IV вв. до н.э. СПб.
2. Эрнштедт В.К. 1879: Об основах текста Андокида, Исея, Динарха, Антифонта и Ликурга // ЖМНП. 202, 117–136; 203, 151–192.

⁸⁵ Эта идея нами подробнее развита, см. Суриков 2008в, 119 слл.

⁸⁶ Не раз уж делали нам замечание, что нельзя писать «демократический режим». Режим-де может быть олигархическим, тоталитарным и т.п., а со святым понятием демократии грубое слово «режим» не сочетается. Вот как!

⁸⁷ Furley 1981, 90.

⁸⁸ Антифонт находил удивительные, парадоксальные решения для некоторых юридических коллизий (подробнее см. Суриков 2012; 2013а; 2013б; Gagarin 1990b). Отмечалось также (Barta 2011, 130 ff.), что в своих «Тетралогиях» (особенно во второй) он впервые, наверное, во всем мире очень близко подошел к юридической категории несчастного случая, в целом чуждой античному мировосприятию. Х. Барта даже утверждает, что Антифонт эту категорию открыл, но это, пожалуй, уже преувеличение.

3. Карпюк С.Г. 2003: Общество, политика и идеология классических Афин. М.
4. Клейн Л.С. 1998: Анатомия «Илиады». СПб.
5. Кудрявцева Т.В. 2008: Народный суд в демократических Афинах. СПб.
6. Лурье С.Я. 1918а: К хронологии софиста Антифонта и Демокрита // Греко-римский сборник. Пг., 2285–2306.
7. Лурье С.Я. 1918б: Новый оксиринхский отрывок // Греко-римский сборник. Пг., 1597–1619.
8. Лурье С.Я. 1925: Антифонт: творец древнейшей анархической системы. М.
9. Суриков И.Е. 1999: О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // Древнее право. 2 (5), 34–41.
10. Суриков И.Е. 2002: Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии. М.
11. Суриков И.Е. 2004а: Проблемы раннего афинского законодательства. М.
12. Суриков И.Е. 2004б: Острака и афинская просопография // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. 1 (3), 51–65.
13. Суриков И.Е. 2005: Сумерки «олимпийца»: о «развенчании» Перикла в одной недавней книге // *Studia historica*. 5, 171–179.
14. Суриков И.Е. 2006а: *Antiphonthea I*: Нарративная традиция о жизни и деятельности оратора Антифонта // *Studia historica*. 6, 40–68.
15. Суриков И.Е. 2006б: Остракизм в Афинах. М.
16. Суриков И.Е. 2007а: *Antiphonthea II*: Антифонт-оратор и Антифонт-софист – два лица или все-таки одно? // *Studia historica*. 7, 28–43.
17. Суриков И.Е. 2007б: Была ли Сицилийская экспедиция авантюрой? // *Antiquitas aeterna*. 2, 30–39.
18. Суриков И.Е. 2008а: *Antiphonthea III*: Друзья и враги Антифонта (просопографический этюд) // *Studia historica*. 8, 67–95.
19. Суриков И.Е. 2008б: Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М.
20. Суриков И.Е. 2008в: Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб.
21. Суриков И.Е. 2009: *Antiphonthea IV*: Фрагменты речей Антифонта как исторический источник (перевод и комментарий) // *Studia historica*. 9, 1–27.
22. Суриков И.Е. 2010: *Antiphonthea V*: Философские фрагменты Антифонта // *Studia historica*. 10, 25–65.
23. Суриков И.Е. 2011а: *Antiphonthea VI*: Важнейшее в мировой историографии исследование об Антифонте // *Studia historica*. 11, 257–275.
24. Суриков И.Е. 2011б: Очерки об историописании в классической Греции. М.
25. Суриков И.Е. 2011в: Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М.
26. Суриков И.Е. 2011г: Сократ и «Тридцать тиранов» // *Scripta antiqua*. 1, 193–205.
27. Суриков И.Е. 2012: *Antiphonthea VII*: Судебная пытка рабов в речах Антифонта // *Studia historica*. 12, 33–60.
28. Суриков И.Е. 2013а: Этопия в судебных речах Антифонта // *Мнемон*. 12, 99–126.
29. Суриков И.Е. 2013б: *Antiphonthea VIII*: «Тетралогии» Антифонта в контексте древнегреческой юридической и философской мысли V в. до н.э. // *Studia historica*. 13 (в печати).
30. Туманс Х. 2004: Псевдо-Ксенофонт – «Старый олигарх» или демократ? // *ВДИ*. 3, 14–27.
31. Туманс Х. 2011: Сократ и софисты: проблематизация интеллектуального творчества // *Мнемон*. 10, 335–362.
32. Фрейденберг О.М. 1997: Поэтика сюжета и жанра. М.
33. Altheim F. 1926: Staat und Individuum bei Antiphon dem Sophisten // *Klio*. 20, 3, 257–269.
34. *Antiphon the Sophist* 2002: The Fragments / G. Pendrick (ed.). Cambr.
35. Avery H. 1982: One Antiphon or Two? // *Hermes*. 110, 2, 145–158.
36. Badian E. 1995: The Ghost of Empire: Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century BC // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.* / W. Eder (Hrsg.). Stuttgart, 79–106.
37. Barta H. 2010: «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Bd 1. Wiesbaden.
38. Barta H. 2011: «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Bd 2: Archaische Grundlagen. Teil 1. Wiesbaden.
39. Carawan E. 1993: The *Tetralogies* and Athenian Homicide Trials // *American Journal of Philology*. 114, 2, 235–270.
40. Carawan E. 1998: Rhetoric and the Law of Draco. Oxf.
41. Debnar P.A. 2000: Diodotus' Paradox and the Mytilene Debate (Thucydides 3.37–49) // *RhM*. 143, 2, 161–178.
42. Dover K.J. 1950: The Chronology of Antiphon's Speeches // *CQ*. 44. 1/2, 44–60.

43. Edmonds R.G. 2012: Whip Scars on the Naked Soul: Myth and *Elenchos* in Plato's *Gorgias* // Plato and Myth: Studies on the Use and Status of Platonic Myths / C. Collobert, P. Destrée, F.J. Gonzalez (eds.). Leiden – Boston, 165–185.
44. Erbse H. 1963: Über Antiphons Rede über den Choreuten // *Hermes*. 91, 1, 17–35.
45. Eucken C. 1996: Das Tötungsgesetz des Antiphon und der Sinn seiner Tetralogien // *MH*. 53. 2, 73–82.
46. Farrar C. 1989: The Origins of Democratic Thinking: The Invention of Politics in Classical Athens. Cambr.
47. Ferguson W.S. 1932: The Condemnation of Antiphon // *Mélanges Gustave Glotz* / F.E. Adcock et al. (eds.). T. 1. P., 349–366.
48. Freeman K. 1952: The Mystery of the *Choreutes* // *Studies in Honour of G. Norwood* / M.E. White (ed.). Toronto, 85–94.
49. Frost F.J. 1971: Themistocles and Mnesiphilus // *Historia*. 20. 1, 20–25.
50. Furley D.J. 1981: Antiphon's Case against Justice // *The Sophists and their Legacy* / G.B. Kerferd (ed.). Wiesbaden, 81–91.
51. Gagarin M. 1978: The Prohibition of Just and Unjust Homicide in Antiphon's Tetralogies // *GRBS*. 19. 4, 291–306.
52. Gagarin M. 1990a: The Ancient Tradition on the Identity of Antiphon // *GRBS*. 31. 1, 27–44.
53. Gagarin M. 1990b: The Nature of Proofs in Antiphon // *Classical Philology*. 85, 1. 22–32.
54. Gagarin M. 2002: Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists. Austin.
55. Grote G. 2001: A History of Greece: From the Time of Solon to 403 B.C. L.–N.Y.
56. Guthrie W.K.C. 1977: The Sophists. Cambr.
57. Hammond N.G.L. 1977: The Meaning and Significance of the Reported Speech of Phrynichus in Thucydides 8, 48 // *Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory* / K.H. Kinzl (ed.). B., 147–157.
58. Harris E.M. 2013: How to Address the Athenian Assembly: Rhetoric and Political Tactics in the Debate about Mytilene (Thuc. 3. 37–50) // *CQ*. 63. 1, 94–109.
59. Heitsch E. 1980: Recht und Argumentation in Antiphons 6. Rede. Philologische Erläuterungen zu einem attischen Strafprozeß. Wiesbaden.
60. Heitsch E. 1984: Antiphon aus Rhamnus. Wiesbaden.
61. Jacoby F. 1956: Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung. Leiden.
62. Jernstedt V. 1878: Observationes Antiphontaeae // *ЖМНП*. 198, 1–29.
63. Kerferd G.B. 1981: The Sophistic Movement. Cambr.
64. Kraus W. 1970: Platon (2) // *Der Kleine Pauly*. 4, 905.
65. Lavency M. 2007: The Written Plea of the Logographer // *Oxford Readings in the Attic Orators* / E. Carawan (ed.). Oxf., 3–26.
66. Long A.A. 2005: Law and Nature in Greek Thought // *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law* / M. Gagarin, D. Cohen (eds.). Cambr. 412–430.
67. Luria S. 1926: Eine politische Schrift des Redners Antiphon aus Rhamnus // *Hermes*. 61. 3, 343–348.
68. Luria S. 1963: Antiphon der Sophist // *Eos*. 53, 1, 68–80.
69. Mansouri S. 2011: Athènes vue par ses métèques (V^e–IVe siècle av. J.-C.). P.
70. Mészáros T. 2008: Some Thoughts on the Fragments of Antiphon // *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae*. 48. 1/2, 193–200.
71. Morrison J.S. 1963: The Truth of Antiphon // *Phronesis*. 8. 1, 35–49.
72. Morrison J.V. 2006: Reading Thucydides. Columbus.
73. Mühl P. von der 1948: Zur Unechtheit der antiphontischen Tetralogien // *MH*. 5. 1, 1–5.
74. Nagy G. 2010: Homer the Preclassic. Berkeley.
75. Pendrick G. 1987: Once Again Antiphon the Sophist and Antiphon of Rhamnus // *Hermes*. 115. 1, 47–60.
76. Pendrick G. 1993: The Ancient Tradition on Antiphon Reconsidered // *GRBS*. 34. 3, 215–228.
77. Raubitschek A.E. 1954: Philinos // *Hesperia*. 23. 1, 68–71.
78. Raubitschek A.E. 1955: Damon // *Classica et mediaevalia*. 16, 78–83.
79. Ritoók Z. 2001: Damon. Sein Platz in der Geschichte des ästhetischen Denkens // *WSt*. 114, 59–68.
80. Romilly J. de 1975: Magic and Rhetoric in Ancient Greece. Cambr. Mass.
81. Roussel P. 1932: Remarques sur un discours d'Antiphon (Περὶ τοῦ Ἡρώδου φόνου) // *Mélanges Gustave Glotz* / F.E. Adcock et al. (eds.). T. 2. P., 813–822.
82. Rowe C. 2012: The Status of the Myth of the *Gorgias*, or: Taking Plato Seriously // *Plato and Myth: Studies on the Use and Status of Platonic Myths* / C. Collobert, P. Destrée, F.J. Gonzalez (eds.). Leiden – Boston, 187–198.
83. Ruschenbusch E. 2000: Weitere Untersuchungen zu Pherekydes von Athen (FGrHist 3) // *Klio*. 82. 2, 335–343.

84. Saunders T.J. 1977/1978: Antiphon the Sophist on Natural Laws (B44 DK) // Proceedings of the Aristotelian Society. 78, 215–236.
85. Saxonhouse A.W. 2009: Freedom, Tyranny, and the Political Man: Plato's *Republic* and *Gorgias*, a Study in Contrasts // A Companion to Greek and Roman Political Thought / R.K. Balot (ed.). Oxf., 353–366.
86. Scheidweiler F. 1966: Antiphons Rede über den Mord an Herodes // RhM. 109. 4, 319–338.
87. Schindel U. 1970: Phrynichos und die Rückberufung des Alkibiades // RhM. 113, 281–297.
88. Schindel U. 1979: Der Mordfall Herodes. Zur 5. Rede Antiphons. Göttingen.
89. Schmitz T. 2010: The Mytilene Debate in Thucydides // Stimmen der Geschichte: Funktionen von Reden in der antiken Historiographie / D. Pausch (Hg.). B. – N.Y., 45–65.
90. Taylor M.C. 2002: Implicating the *Demos*: A Reading of Thucydides on the Rise of the Four Hundred // JHS. 122, 91–108.
91. Vanderpool E. 1952: Kleophon // Hesperia. 21. 2, 114–115.
92. Wallace R.W. 1998: The Sophists in Athens // Democracy, Empire, and the Arts in Fifth-Century Athens / D. Boedeker, K.A. Raafaub (eds.). Cambr. Mass., 203–222.
93. Wallace R.W. 2007: Plato's Sophists, Intellectual History after 450, and Sokrates // The Cambridge Companion to the Age of Pericles / L.J. Samons (ed.). Cambr., 215–237.
94. Wardy R. 2000: Rhetoric // Greek Thought: A Guide to Classical Knowledge / G.E.R. Lloyd (ed.). L., 465–485.
95. Wassermann F.M. 1956: Post-Periclean Democracy in Action: The Mytilenean Debate (Thuc. III. 37–48) // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 87, 27–41.
96. Wassermann F.M. 1968: Die mytilenaische Debatte bei Thukydides: Bild der nachperikleischen Demokratie // Thukydides / H. Herter (Hrsg.). Darmstadt, 477–497.
97. Westlake H.D. 1956: Phrynichos and Astyochos (Thucydides VIII 50–51) // JHS. 76, 99–104.
98. Wiesner J. 1994/1995: Antiphon, der Sophist, und Antiphon, der Redner – ein oder zwei Autoren? // WSt. 107/108, 1, 225–243.
99. Wilamowitz-Moellendorf U. von 1887: Die erste Rede des Antiphon // Hermes. 22, 194–210.
100. Will W. 1995: Perikles. Reinbek.
101. Will W. 2003: Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn.
102. Zinsmaier T. 1998: Wahrheit, Gerechtigkeit und Rhetorik in den Reden Antiphons: Zur Genese einiger Topoi der Gerichtsrede // Hermes. 126. 4, 398–422.
103. Zuntz G. 1949: Once Again the Antiphontean Tetralogies // MH. 6. 2, 100–103.

THE FATE OF AN INTELLECTUAL IN OPPOSITION: ANTIPHON THE ATHENIAN – AN ORATOR, SOPHIST, LAWYER, AND POLITICIAN

I. E. Surikov

Antiphon was a major figure in cultural and political life of his time (the second half of the fifth century BC), and a wrongly neglected one. The article deals with the following problems connected with his personality and activities: his role and significance in the development of such intellectual spheres as philosophy (he was a participant in the Sophistic movement), rhetorical theory and practice (he was a teacher and the first judicial logographer) and science of law; the identity of Antiphon (the author is a consistent adherent of the unitarian view); evolution of his political position. As to the latter question, it is stated in the article that Antiphon was never an advocate of democracy of Periclean (*a fortiori* post-Periclean) type; rather he was always its opponent, but eventually he progressed in that direction, becoming a resolute Laconophile and – the further the more – an active oppositionist to the existing democratic regime. The result is well known: a short triumph of Antiphon as one of the leaders of the 411 BC antidemocratic coup, and, in the very short run, the end of the «Four Hundred» oligarchy, condemnation and execution of Antiphon. It is necessary to add that in any case Antiphon was not a «conservative» – for the democrats were «conservatives» at that time – but a subversive revolutionary. Equally revolutionary was he in the field of philosophical thought.

Keywords: Classical Athens, Antiphon, the Sophistic movement, rhetoric, science of law, political struggle, democracy, oligarchic opposition.